

Когда уходит тот, кого ты хотел бы видеть на защите своей школы:

размышления о симбиозе, переносе и зрелости в обучающем процессе

Алла Евгениевна
ДАЛИТ

PTSTA-р, к.п.н, «Институт «МИР-ТА»; Москва, Россия;
E-mail: alusia@yandex.ru;
SPIN РИНЦ: 9454-5385; ORCID: 0009-0006-3380-2538;
ResearcherID: NIU-1379-2025

Alla Evgenievna
DALIT

PTSTA-P, PhD in Psychology, "MIR-TA" Institute"; Moscow, Russia;
E-mail: alusia@yandex.ru;
SPIN-RSCI: 9454-5385; ORCID: 0009-0006-3380-2538;
ResearcherID: NIU-1379-2025

When the one you wanted to see defend your school leaves:

Reflections on Symbiosis, Transference and Maturity in the Learning Process

Аннотация. В статье рассматривается обучающий процесс в парадигме транзактного анализа как сцена для развертывания сценарных паттернов, симбиотических отношений и феноменов переноса. Автор, опираясь на собственный многолетний опыт преподавания, анализирует специфическую группу обучающихся с неосознанной нарциссической уязвимостью и склонностью к пассивной агрессии. Через описание типичного сценария идеализации и разочарования автор показывает, как обучающее пространство становится полем инициации, в котором преподаватель не столько «дает знания», сколько выступает в роли свидетеля взросления. Отдельное внимание уделяется педагогической уязвимости, сложности удержания границ и значению зрелого контакта в обучении психологов. Статья сочетает личный нарратив, элементы клинического наблюдения и теоретические основания, предлагая взгляд на преподавание как на процесс сценарной трансформации.

Ключевые слова: транзактный анализ, сценарий, симбиоз, педагогическая уязвимость, нарциссическая уязвимость, эго-состояния, идеализация, перенос, обучение психологов.

Abstract. This article explores the educational process through the lens of Transactional Analysis, viewing it as a stage for script enactments, symbiotic dynamics, and transference phenomena. Drawing on her extensive teaching experience, the author examines a specific group of students marked by unconscious narcissistic vulnerability and passive-aggressive defenses. Using a composite case narrative, she illustrates the recurrent pattern of idealization and subsequent disillusionment, revealing the educational space as a site of initiation rather than instruction. The role of the teacher is framed not as a knowledge provider, but as a witness to the student's individuation and transition to Adult ego state. Special attention is given to pedagogical vulnerability, boundary maintenance, and the transformative power of authentic contact in the training of psychotherapists. The text integrates personal narrative, clinical observation, and theoretical foundations, offering a perspective on education as a field for script awareness and transformation.

Keywords: transactional analysis, life script, symbiosis, pedagogical vulnerability, narcissistic vulnerability, ego states, idealization, transference, psychotherapy training.

Обучение как сцена не только для знаний, но и для сценариев. Я преподаю психологию с 2001 года и уже давно понимаю: приходят не только ученики. Приходят и их эго-состояния, их бес-сознательные контракты, их надежды и страхи, иногда — сгустки боли, выживания и неосущест-

влённой грандиозности. Особенно ясно это становится в обучении ТА: ведь сам метод говорит языком эго-состояний и сценических структур (Newton, 2003).

Есть одна особая группа учеников, с которой сталкиваюсь снова и снова: пассивно-агрессивные, тонко

цепляющие, остро наблюдающие. У них часто блестящий ум, тонкое чутьё и нереализованная — а порой и неузнанная — нарциссическая часть. Та, что когда-то была запугана стыдом. Та, что не получила права быть яркой, а теперь боится и одновременно требует признания. Кто-то из них бодливо доказывает, что умнее тебя. Кто-то ловит каждое слово и идеализирует до опасной высоты. Кто-то исчезает после первого же конфронтирующего комментария, не выдержав столкновения со своей детской уязвимостью, выданной за Взрослого. Я вижу, как в них борются желание вырасти и ужас перед свободой — перед Взрослым, перед самостоятельностью. И мне больше не хочется «оставить всех». Хочется быть рядом, пока они выдерживают.

Почему я больше не страдаю, когда уходят? Раньше было иначе. Уходы ранили. Особенно тех, кто обещал быть «моим», кто смотрел глазами восхищения, кто спорил с азартом или молчал, но оставался на каждом занятии. Я цеплялась, объяснялась и пыталась понять, где недосмотрела, где перегнула, где не дала то, что могла бы. Теперь я думаю иначе. Обучение взрослых — не воспитание. Это не Родитель → Ребёнок, это Взрослый → Взрослый. Или, точнее, это шанс стать Взрослым в момент, когда привычная структура начинает давать сбой. Именно об этом пишет Н. Мишель Ландайш, размышляя о тревоге и дезорганизации в обучающих группах как о естественной части процесса роста профессионала — того, кто начинает выдерживать чужую боль, только научившись не разрываться от своей собственной (Landaiche III, 2013). Не все готовы, не все хотят — и это нормально.

Иногда это самый настоящий симбиотический кошмар: от идеализации к бегству. Сценарий, в который часто попадают мои ученики, похож на симбиоз с фигурами значимого Родителя: быть любимым, но не вступать в конфликт; быть признанным, но не выдерживать дистанции; быть частью школы, но не становиться собой. В терминах транзактного анализа это — симбиотическая путаница, в которой контракты остаются неосознанными, а мотивация — амбивалентной. Кто-то приходит не учиться, а быть увиденным; кто-то — доказать, что он достаточно хорош; кто-то тайно желает спасения от внутренней пустоты. И всё это — законные желания. Но в пространстве Взрослого их приходится осознавать, признавать, перерабатывать. Если этого не происходит — запускается сценарий ухода. Иногда громкого, иногда обиженного, иногда — просто внезапного исчезновения с формулировками вроде: «слишком жёстко», «не совпали», «нечему учиться». А по сути — не выдержана встреча с собой.

Я вспоминаю одну из таких историй (все совпадения случайны, образ собирательный).

Он пришёл ко мне уже взрослым — не по паспорту, а по биографии: за плечами был развод, свой кабинет, клиенты, публикации. Он говорил: «Я давно искал

того, у кого мог бы учиться по-настоящему. Нашёл». Он читал запоем, приносил статьи, блистал на занятиях, ловил тонкие моменты — словно заранее знал, куда я поведу группу. И всё это — с тем самым блеском в глазах, который я давно научилась распознавать: не просто интерес, а голод. Нарциссическая часть, которая долгое время оставалась скрытой, теперь хотела поглощать и быть увиденной. Первые недели он играл роль «восхищённого ученика». Он знал мои формулировки наизусть, цитировал в чатах, говорил другим: «У неё есть всё, чего не хватает нам». Я чувствовала идеализацию и, как всегда бывает в таких случаях, знала: за ней идёт разочарование. Оно и пришло. На супервизии я остановила его, предложив точку зрения, в которой он не выглядел блистательно. И он сорвался: «Вы всегда обесцениваете тех, кто ярче вас!» Это было не про меня, это было про него и его сценарий. Но в тот момент он не мог этого увидеть. Он ушёл. Не сразу — через серию колкостей, дистанций, напряжённого молчания. А через полгода я узнала, что он начал преподавать: с другим преподавателем, по своим темам, с тем же блеском в глазах. И я почувствовала не укол, как раньше, а тишину. Он не остался потому, что не смог, пока не смог. И может быть, позже вернётся — не ко мне, а к себе.

Учитель — фигура инициации. То, что мы называем «обучением», нередко является процессом инициации, как его описывает Джайлс Барроу: через преодоление старых моделей, через обретение свободы не от Родителя, а от внутренней диктатуры застывших сценариев (Barrow, 2018). Учитель здесь — не источник ответа, а свидетель перехода. Но роль свидетеля уязвима. Хасина Абдулла в своей статье о педагогической уязвимости в индийском контексте говорит об опасности академической жёсткости как о бессознательной попытке избежать этой боли (Abdulla, 2023). И я это понимаю: удерживать поле, в котором взрослые люди проходят через кризис своей идентичности, — это не про власть, а про способность не отреагировать, не спастись, не отвергнуть.

Кто остаётся? Остаются не те, кто не спорил, и не те, кто был самым вовлечённым, а те, кто справился со своим стыдом, кто пережил разочарование, кто не растворился в идеализации, а стал использовать контакт как точку роста. Они становятся коллегами, наставниками для других, иногда — преподавателями. Я вижу, как те, кто когда-то говорил: «Мне страшно», теперь ведут группы, конфронтируют, не боятся быть непонятыми. И тогда я думаю: «Всё было не зря. Даже те, кто ушёл, ушли не зря, потому что, если я хоть на шаг приблизила их к точке выбора, — уже достаточно».

В заключение хочу сказать: преподавание — это риск и доверие. Обучение психологов — это всегда о чем-то большем, чем просто теория: это про перенос, про эго-состояния и сценарий. И если мы, преподава-

Я ОК – ТЫ ОК / I'M OK – YOU ARE OK

Алла Евгениевна ДАЛИТ
Когда уходит тот, кого ты хотел бы видеть на защите своей школы

тели, не готовы выдерживать это, мы останемся в роли «знающих», но не ведущих.

Я больше не страдаю, когда кто-то уходит. Я понимаю: он ушёл потому, что пока не может, или потому, что уже может идти один. И это тоже — результат.

Список литературы

1. Abdulla, H. (2023). The Educator's Vulnerability: Systemic Oppression From an Indian Frame of Reference. *Transactional Analysis Journal*, 53(4), 341–356.
2. Barrow, G. (2018). For whom is the teacher and for what is the teaching? An educational reframe of the parent ego state. *Transactional Analysis Journal*, 48(4), 322–334.
3. Landaiche III, N.M. (2013). Looking for trouble in groups developing the professional's capacity. *Transactional Analysis Journal*, 43(4), 296–310.
4. Newton, T. (2003). Identifying educational philosophy and practice through imagoes in transactional analysis training groups. *Transactional Analysis Journal*, 33(4), 321–331.